

ПАЛОМНИК

Страницы
европейской поэзии
XIV – XX веков

ПАЛОМНИК

Страницы
европейской поэзии
XIV – XX веков

*в переводах лауреата
Государственной премии России
Александра Ревича*

УДК 82-1
ББК 84(4)-5(3)
П14

*Выражаем благодарность
Красновой Марии Викторовне за поддержку в издании книги*

П14 **ПАЛОМНИК:** Страницы европейской поэзии XIV—XX веков / В переводах А. Ревича. — М.: Этерна, 2007. — 560 с.
ISBN 978-5-480-00140-2

**УДК 82-1
ББК 84(4)-5(3)**

Литературно-художественное издание

ПАЛОМНИК
Страницы европейской поэзии XIV—XX веков
В переводах Александра Ревича

Главный редактор *Н. В. Комарова*
Дизайн, рисунок и художественное оформление: *А. Б. Архутик*
Корректор *Г. Н. Барышева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.04.07 г.
Формат 84×108/32. Гарнитура «NewBaskervilleC».
Печ. л. 17,5. Тираж 3 000 экз. Заказ №

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru

Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59А
Тел./факс 755-81-23

© А. М. Ревич, переводы, 2007
© ООО «Издательство
«Этерна», оформление,
2007

ISBN 978-5-480-00140-2

О М ПЕРЕВОДЧИКА

В 1931 году стихотворение, посвященное Борису Пильняку, Борис Пастернак закончил такими строками:

Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта,
Она опасна, если не пуста.

Это было написано задолго до катастрофы 1937 года, когда погибло много талантливых писателей и адресат процитированных стихов — Борис Пильняк. Пастернак как истинный поэт пророчески предугадал трагедию и написал стихи, а Маяковский застрелился, зачеркивая идею «социального заказа».

Подлинная поэзия не пишется на заданную тему, чего требовали принципы «партийности литературы». Неспособные встраиваться в конъюнктуру, хвататься за злободневность вынуждены были прикрыться высокой непререкаемой культурой и уйти в перевод. Так родилась уникальная школа художественного перевода — русская, которую до недавнего времени называли «советской». Крупные поэты эмигрировали в перевод: А. Ахматова, М. Лозинский, Г. Шенгели, Н. Заболоцкий, вернувшаяся из эмиграции М. Цветаева. Ушел в перевод и Б. Пастернак, в результате

чего появились на русском языке Шекспир, Гёте, Байрон, Верлен и Николоз Бараташвили. Благодаря переводу поэты, «несозвучные эпохе», сохранили связь со «звучащим» словом и могли учиться на переводимых гениях.

Бесспорно, многие тяготились ролью переводчика. Арсений Тарковский писал: «Ах, восточные переводы, / Как болит от вас голова!..», но, впрочем, печатал лучшее из своих переводов в одномотниках и многотомниках.

Предваряя свою поэтическую книгу «Чаша», я написал: «Раздел переводов включен в издание не потому, что автор решил показать себя мастером этого жанра, а затем, что считает перевод неотъемлемым от всего его творчества». В статье о моей поэзии поэт В. Леонович пишет: «Ревич стер разницу между понятиями поэт и переводчик».

Переводя, можно многому научиться – и не только формальному, технике. Учиться можно духу и сознанию. Замечательный мастер перевода и один из моих учителей Сергей Васильевич Шервинский однажды заметил, что влияние поэтов русских опасно – можно стать подражателем, а учиться у иноязычных безопасно, можно многое у них заимствовать безнаказанно.

Как поучительны для меня оказались переводимые поэты, особенно такие, которые писали сонеты, октавы, французские баллады, терцины. Эта работа хорошо набила руку и приучила к строгости в языке. И в поэтике тоже. Наибольшее влияние я испытал, переводя таких поэтов, как Константы Ильдефонс Галчинский, Поль Верлен и особенно Теодор Агриппа д'Обинье. Уже завершив многолетнюю работу над переводом «Трагических поэм» Агриппы, я с удивлением заметил, как изменился за эти годы мой почерк: был острый, стал округлый. Неужели изменился и характер? В дальнейшем я убедился и в этом. Однажды мне попался на глаза автограф страницы из поэм д'Обинье: мой русский почерк стал походить на старофранцузскую вязь переводимого поэта. Долго не мог прийти в себя. Д'Обинье не только расширил мой стилистический мир, но внедрил в меня свой мир. Вскоре я написал венок сонетов «От переводчика «Трагических поэм» Агриппы д'Обинье», который стал стихотворным предисловием к их изданию и в свою очередь дополнил ряд моих собственных произведений. Эстетическая планка была поднята. Вспоминается разговор с поэтом Евгением Рейном, который упрекнул автора этих записок, что тот, дескать, тратит слишком много сил, крови и времени на перевод чужого поэта. Я ответил, что перевод поэта

такого уровня, как Агриппа, поднимает на такую духовную высоту, какая и не снилась всем нашим знаменитым современникам.

Относительно молодым я подпал под странное обаяние стихов поляка К. И. Галчинского. Несколько лет переводил его стихи и вдруг обнаружил, что невольно перенимаю многие принципы его поэзии: беспредельность поэтической свободы, когда всё идет в пищу, бесцеремонно интимное обращение со всем, что составляет мир. Спустя несколько лет я посвятил покойному поэту и его вдове Наталии, с которой мы подружились, «Поэму о позднем прощании». Семья Галчинского жила в Варшаве на улице Аллея Роз, где, согласно поэме А. Блока «Возмездие», умерал в больнице отец Блока, Александр Львович. Подсознательно образ Блока и метель того далекого года вплыли в мою поэму. Когда я прочел ее в квартире Галчинских хозяйке дома и нашим общим друзьям Загурским, поэту Ежи и его супруге Марине, Наталия подвела меня к окну и указала на пустырь через улицу от их дома. И тихо сказала: «На этом месте стояла больница, где умер отец Блока». Жизнь поэзии пронизана мистикой, и перевод поэзии – тоже.

От Наталии я узнал, как плакал Галчинский, когда ему не удавалось перевести «Незнакомку» Блока. Он остро чувствовал музыкальный тон блоковской дактилической рифмы (ресторанами – пьяными; переулочной – булочной... и т. д.). Еще бы не плакать: в польской просодии и самой структуре языка дактилическое окончание невозможно. Такое болезненное отношение к переводу может возникнуть только у настоящего переводчика, который и есть поэт. В этом случае всё играет роль, и звук подлинника в том числе. Не то, что в работе «доноров», дотягивающих непоэзию до подобия поэзии.

Переводя стихи Верлена, я ощутил его глубинное родство с поэзией Пастернака, недаром тот так охотно переводил Верлена и написал потрясающее эссе о нем. Однажды я обнаружил, что название пастернаковской книги «Сестра моя жизнь» совпадает со строкой из одного верленовского стихотворения: «Пусть жизнь горька, она твоя сестра», что в свою очередь заимствовано у Блаженного Августина. Переводы стихов Верлена, выполненные Пастернаком, подчас формально неточные, однако весьма соответствуют сути и духу Верлена, такие она верленовские. Перевод, названный «Хандра», и переводом не назовешь. Просто стихи Пастернака, но в этом «непереводе» всё верленовское. Если бы Верлен писал по-русски, он именно так бы и написал. Переводя

Верлена, я сам нечаянно ловил себя на пастернаковских интонациях и словаре. Например:

Он сквозь людской водоворот
Пройдет бестрепетно. Не так ли
Завязтый театрал идет,
На скверном отсидев спектакле?

Странно, ведь в моих собственных стихах нет сходства с поэзией Пастернака.

Как наиболее глубокое вживание в оригинал, была моя попытка перевести верленовскую «Осеннюю песнь». Двенадцать вариантов — и никакого результата. Развязка случилась во сне: приснилась первая строка этого стихотворения и возник звук стиха, а за ним и другие строки:

Осень в надрывах
Скрипок тоскливых
Плачет навзрыд.

Нечаянно я поменял местами мужские и женские рифмы и вдруг понял, что прав. Ведь по-французски мужская рифма в этом стихотворении протяжнее. Пришло на ум: ведь так не переводят, так пишут свое.

Подобное случилось с единственным моим переводом из Гёте. Я никогда до этого не переводил немецкую поэзию. Плохо знал язык, к тому же мое военное прошлое и бытность в плену давали себя знать. Звук языка отторгало ухо. Но однажды зимой в Переделкине мы со стариком-драматургом Алексеем Михайловичем Файко и молодым Фазилем Искандером собрались вечером за столом, осушили бутылку коньяку, и Алексей Михайлович — полиглот и великий знаток поэзии — прочитал наизусть по-немецки восьмистрочное стихотворение Гёте. Я что-то уловил, стал уточнять непонятное и попросил продиктовать мне это стихотворение по-немецки. Файко прочел мою запись, исправил несколько орфографических ошибок и вернул мне листок. Пока мои друзья вели беседу и допивали очередную бутылку, я, будучи чуть-чуть под хмельком, быстро перевел стихотворение и удивился: стихи по-русски, отнюдь не по моей воле, оказались похожими на русские стихи Тютчева. Та же тональность:

Когда в бескрайности природы,
Где повторяясь все течет,

Растут бесчисленные своды,
И каждый свод вырастает в свод,
Тогда звезда и червь убогий
Равны пред мощью бытия,
И мнится нам покоем в Боге
Вся мировая толчея.

Возникла мысль, что Тютчев по своему складу и вкусам близок германской литературе и особенно Гёте. Услышав мой перевод, Файко со свойственной ему иронией сказал:

— Ах, ты, оказывается, так переводишь? А я думал — та-а-ак.

Спустя какое-то время с этим переводом познакомился крупный специалист по немецкой литературе, старый друг Пастернака, Николай Николаевич Вильям-Вильмонт. Он взвизгнул:

— Что Вы сделали! — Я испуганно спросил:

— Что? — и услышал в ответ:

— Вы перевели непере译имое! Я буду скоро составлять многотомник Гёте. Надо, чтобы Вы попробовали что-то перевести.

Я попробовал, ничего путного не получилось. Так и пошел в десятитомнике Гёте единственный мой перевод «непере译имого». Чего только не сделаешь во хмелю!

А это маленькое стихотворение Гёте раскрыло мне возможности поэтической глубины и приблизило ко многому в самой русской поэзии, так же, как «Трагические поэмы», написанные Кальвинистом, открыли дорогу к Вере. Так я и сказал французскому послу при Агриппой д'Обинье вручении мне премии: «*Il m'a ouvert la route à la foi*».*

Все, что уже было сказано, говорит о необходимости проникновения в существо переводимого поэта. Еще до процесса перевода должно знать о поэте и его времени, о его стране и событиях жизни больше, чем содержится в историко-литературных работах. Поэт и крупный литературовед Илья Николаевич Голенищев-Кутузов говорил, что переводчик, занимаясь конкретным автором и его временем, знает несколько уже, чем историк литературы, но несравненно глубже. К тому же переводчик поэзии в высшем проявлении своего таланта переводит не только текст, но и то, что за этим текстом скрывается, то есть страну, время, атмосферу, коллизии, героев. И все это надо видеть и осязать. Но самое главное, необходимо во что бы то ни стало передать состояние автора и героев. Плакать, если они плачут,

* Здесь и далее: текст, отмеченный *, см. в Комментариях.

смеяться, если смешно. Произведение и его перевод должны вызывать сопереживание, душевный отклик: слезу, гнев, радость и духовное очищение, что называл Аристотель катарсисом. Перевод должен воздействовать на сознание с той же силой, как подлинник. Это и есть конгениальность. Тогда он – перевод, а не пересказ, переложение, что способен сделать ремесленник. В записках о Пастернаке я рассказал, как тот читал публично свой перевод гётевского «Фауста» и как при чтении сцены с Маргаритой в тюрьме, преодолевая рыдания, выдал: «...не могу читать... так ее жалко». Не обладая ни отзывчивостью, ни состраданием, нельзя ни писать, ни переводить.

И еще о переводе формы, которая и есть содержание художественного произведения. В подлиннике поэмы Л. Арагона «Мадам Колетт*», посвященной знаменитой французской писательнице, текст предваряет эпитафия из поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». В переводе на французский язык это два прозаических абзаца, а в итальянском подлиннике должны быть стихи, то есть две октавы. Французы в нынешней практике стихом не переводят, считая, что проза точнее доносит смысл. Это и есть разрушение формы в угоду нехудожественному смыслу. А искусство пропадает. Звуковая природа стиха, музыкальность – главное содержание поэзии. Попробуй лишить звука музыку.

Начав переводить «Мадам Колетт», я пришел в замешательство: как переводить эпитафия? Стихом или прозой? Решил прозой, так как я переводил не Т. Тассо, а Арагона, а у того прозаический перевод. До сих пор не знаю, правильно ли я поступил. Французы и другие европейцы уже давно рационализировали поэзию и пишут свободным стихом. Признавая возможную функциональность такой поэтики, я и в собственной поэзии давал волю свободному стиху. В настоящую книгу вошли некоторые шедевры свободного стиха: ранние стихи Арагона, Аполлинер, замечательные поляки – Т. Ружевиц, Ю. Пшибось и, наконец, блистательная эпопея «Чудовищный шедевр» грека Янниса Рицоса, которого мэтр Арагон назвал одним из лучших поэтов Европы.

*Александр Ревич,
Москва, 2006*

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

1304–1374

* * *

Сердца влюблённых с беспощадной силой
Тревога леденит, сжигает страсть,
Тут не поймёшь, чья пагубнее власть:
Надежды, страха, стужи или пыла.

Иных бросает в жар под высью стыллой,
Дрожь пробирает в зной, что за напасть!
Ведь жаждущему просто в ревность впасть
И дев считать вздыхателями милой.

Я ж обречён лишь от огня страдать
И лишь от жажды гибну ежечасно,
Слова бессильны муку передать.

О, что мне ревность! Пламя так прекрасно!
Пусть видят в нем другие благодать,
Им не взлететь к вершине – всё напрасно.

* * *

Но если поражён я нежным оком,
Но если ранят сладкие слова,
Но если ей любовь дала права
Дарить мне свет улыбки ненароком,

Что ждёт меня, когда, казимый роком,
Лишусь я снисхожденья божества,
В чём взоре милость теплится едва?
Неужто смерть приму в огне жестоком?

Чуть омрачён моей любимой лик,
Весь трепещу, и сердце холодеет,
Страшусь примеров давних каждый миг,

И этих страхов разум не развеет.
Я женскую изменчивость постиг:
Любовь недолго женщиной владеет.

* * *

Амур, природа, вкупе со смиренной
Душой, чья добродетель правит мной,
Вступили в сговор за моей спиной:
Амур грозит мне мукой неизменной,

В сетях природы, в оболочке брэнной,
Столь нежной, чтобы справиться с судьбой,
Душа любимой, прах стряхнув земной,
Уже от жизни отреклась презренной.

Готовится душа отринуть плоть,
Чьи очертанья были так прекрасны,
Являя средоточье красоты.

Нет, милосердью смерть не побороть.
И если так — надежды все напрасны
И безнадежны все мои мечты.

* * *

Вот птица Феникс в перьях из огня,
И этих ожерелий позолота
На белой шее — силой приворота
Чарует всех, мой бедный дух казня.

Лучи её венца как светоч дня,
Амур в стекло их ловит, как в тенёта,
Сочится пламя струйкой водомёта
И даже в лютый холод жжёт меня.

Окутал пурпур царственные плечи,
С лазурной оторочкою убор,
Усыпанный пунцовыми цветами.

Уносит слава далеко-далече,
К богатым недрам аравийских гор
Сокровище, парящее над нами.

* * *

Когда б Гомер великий и Вергилий
Узрели ту, что ярче всех светил,
Её воспели б, не жалея сил,
В единый стиль свои сливая стили,

Энея бы хвалою обделили,
Померк бы Одиссей и сам Ахилл,

И тот, кто пятьдесят шесть лет царил*,
И тот, кого в Микенах погубили.*

Сей доблести и древней мощи цвет
Теперь обрёл ещё одно светило,
Где чистота в единстве с красотой.

Блеск древней славы Эннием* воспет,
А я — о новой. Только б не претила
Ей похвала моя, мой дар простой.

* * *

О солнце, ты и в стужу светишь нам,
Тебе была любезна эта крона
С листвой, зелёной, как во время оно,
Когда впервые встретил зло Адам.

Взгляни сюда. Склонись к моим мольбам,
Не уходи, светило, с небосклона,
Продли своё сиянье благосклонно,
Желанный вид являй моим глазам:

Я вижу холм и тень его косую,
На тихий мой огонь она легла,
На пышный лавр, он был тростинкой малой,

Но тень растёт, покуда я толкую,
Заветный дол уже заволокла,
Где госпожа живёт в душе усталой.

* * *

Забвенья груз влача в промозглый мрак,
Ладыя моя блуждает в океане
Меж Сциллой и Харибдой, как в капкане,
А кормчий — господин мой, нет! — мой враг.

На вёслах — думы. Сладить с ними как?
Бунтуют, позабыв об урагане.
Извечный вихрь страстей и упований
Ветрила рвёт в пыли своих атак.

Под ливнем слёз, во мгле моей досады
Сплетённая из неразумья снасть
Вся вымокла: канаты как мочала.

Два огонька погасли, две отрады,
Уменье гибнет, разуму пропасть.
Боюсь, не дотянуть мне до причала.

* * *

Свет вечной жизни — лицезренья Бога,
Не пожелаешь никаких прикрас,
Так счастлив я, Мадонна, видя вас,
Притом что жизнь — лишь краткая дорога.

Как никогда, прекрасны вы, коль строго,
Коль беспристрастно судит этот глаз.
Как сладок моего блаженства час,
В сравненье с коим и мечта убога.

Он пролетит — и это не беда.
Чего желать? Кого-то кормят звуки,
Кого — растений сладкий аромат,

Кого живит огонь, кого — вода,
А мне от них ни радости, ни муки,
Мне образ ваш дороже всех услад.

* * *

Амур, ты светоч славы яснолицей,
Той, что царит над естеством земным,
В неё струится небо, а засим
Она сама дарует свет сторицей.

Взгляни, какой одета багрянницей,
Каким узором блещет золотым,
Стопы и взор направля к тем крутым
Холмам, поросшим частой медуницей.

И зелень трав, и пёстрые цветы
Под сенью тёмной падуба густого
Стопам прекрасным стелют свой ковёр,

И даже ночь сияет с высоты
И вспыхнуть всеми искрами готова,
Чтоб отразить сей лучезарный взор.

* * *

Вкушает пищу разум мой такую,
Что и нектар меня бы не привлёк,
Река забвенья в душу льёт поток,
Лишь лицезренья красоты взыскую.

Слова моей возлюбленной смакую,
Записываю в сердце чернью строк,
Для вздыханий нахожу предлог,
При этом сладость чувствую двойную!

Так эта речь волшебная нежна,
Звучит подобьем райских песнопений,
О этот голос — чудо из чудес!

В пространстве малом явлено сполна,
Сколь всемогущи мастерство и гений
Природы животворной и небес.

* * *

Любимого дыханья благодать
Живит пригорки, рощи и поляны,
Зефир знакомый, нежный, мой желанный,
Возвыситься велит мне и страдать.

Спешу сюда, чтоб сердцу отдых дать.
Скорее! Прочь от воздуха Тосканы!
Тоска гнетёт, как серые туманы,
Но мне уже недолго солнца ждать.

Оно моё, в нём сладость в изобилье,
Мне без него на свете жизни нет,
Но слепну я, приблизившись вплотную.

Укрытья не найти, мне б только крылья,
Погибелью грозит мне яркий свет:
Вблизи него горю, вдали — горюю.

* * *

В листе зелёной шелестит весна,
Но как её дыханье жалит щеки,
Напомнив мне удар судьбы жестокий:
Её мученья я испил до дна.

Прекрасный лик явила мне она,
Теперь такой чужой, такой далёкий,
Сияли золотых волос потоки,
Нить жемчугов теперь в них вплетена.

О, как ложились эти пряди мило,
Распущенные — как они текли! —
Воспомянутое до сих пор тревожит,

В жгуты тугие время их скрутило,
Не избежало сердце той петли,
Которую лишь смерть ослабить может.

* * *

Дохнул в лицо прохладой лавр прекрасный:
Здесь рану Фебу бог любви нанёс.
Я сам в его ярме, влеку свой воз.
Освободиться поздно — труд напрасный.

Как некий старый мавр — Атлант несчастный,
Тот, что Медузой превращён в утёс,
И сам я в путях золотых волос,
В чьём блеске меркнет солнца пламень ясный.

Я говорю о сладостных силках,
О той, что стала мукою моею.
Покорствую — не в силах дать отпор.

В её тени пронизывает страх,
Как мрамор, я от холода белею.
Я камнем стал, увидев этот взор.

* * *

Колеблет ветер, солнце освещает
Литые нити пряжи золотой,
Их плёл Амур и, сетью их густой
Опутав сердце, дух мой очищает.

Кровинкой каждой сердце ощущает.
Предвосхищает приближенье той,
Что над моею властвует судьбой,
И всякий раз её весы качает.

Узрев огонь, в котором я горю,
Сиянье уз, благодаря которым
Я связан по рукам и по ногам,

Уже не помню, что я говорю,
Теряю разум перед ярким взором,
От нежности своей страдаю сам.

* * *

О, эта обнаженная рука,
Увы, её оденет шёлк перчатки!
Так эти две руки смелы и хватки,
Что сердце в плен берут наверняка.

Смертелен лук крылатого стрелка,
Но и ловушек у него в достатке,

Столь дивные привады и подсадки
Опишешь ли посредством языка? —

Прекрасные глаза, ресницы, брови,
А этот рот — сокровищница роз,
Певучих слов и редкостных жемчужин.

Тут надо быть, однако, наготове.
А вот чело и золото волос,
Таких, что солнца жар уже не нужен.

* * *

Судьба смягчилась, наградив меня
Бесценным даром — шёлковой перчаткой,
Чтоб я достиг вершин отрады сладкой,
Далёкий образ в памяти храня.

Не вспоминал я рокового дня,
Забыл позор и той минуты краткой,
Когда богатство я обрёл украдкой
И сразу нищим стал, свой стыд кляня.

Не удержал я драгоценной дани,
Безволен, безязык и безголос,
Я уступил без боя поле брани.

Мне крылья бы — добычу б я унёс,
Чтоб отомстить той несравненной длани,
Из-за которой пролил столько слёз.

* * *

Из недр прозрачных дива ледяного
Исходит пламень, жар его велик,
Он сушит сердце, в кровь мою проник,
Руиной становлюсь, жильём без крова.

Со мною смерть расправиться готова,
Её небесный гром, звериный рык
Беглянку, жизнь мою, уже настиг,
И трепещу, не в силах молвить слова.

Любовь и сострадание могли б
Меня спасти — две каменных колонны —
Встать вопреки крушенью и огню.

Но нет надежды. Чувствую: погиб.
О враг мой нежный, враг мой непреклонный,
Я не тебя, а лишь судьбу виню.

* * *

Но я горю огнём на самом деле.
Никто не усомнится, лишь одна,
Та, что мне всех дороже, холодна,
Не замечает мук моих доселе.

Краса и недоверье! Неужели
В глазах моих душа вам не видна?
Когда бы не звезды моей вина,
Меня бы пощадили, пожалели.

Мой жар, совсем ненужный вам сейчас,
Мои хвалы божественности вашей,
Возможно, сотни душ воспламят.

Тоска моя, когда не станет нас,
Моя немая речь, твой взор погасший
Ещё надолго искры сохранят.

* * *

Душа моя, которая готова
Всё описать, увидеть и прочесть,
Мой жадный взор, душе несущий весть,
Мой чуткий слух, ведущий к сердцу слово,

Неужто дали времени иного
Вы нашим дням хотите предпочесть,
Где два огня, два путеводных есть,
Где след любимых стоп я вижу снова.

Тот след и путеводный яркий свет
Ведут вас в этом кратком переходе,
Помогут вечный обрести покой.

О дух мой, возносись в тумане бед,
Встречая гнев, подобный непогоде,
К божественному свету — по прямой.

* * *

Как сладки примиренье и разлад,
Отраднa боль и сладостна досада.
В речах и в разумении — услада
И утешение, и сладкий ад.

Терпи, душа, вкушая молча яд,
Бояться сладкой горечи не надо,

Тебе любовь — как высшая награда,
Возлюбленная всех милей стократ.

Спустя столетья кто-нибудь вздохнёт:
«Несчастный, что он пережил, страдая,
Но как его любовь была светла».

Другой судьбу ревниво упрекнёт:
«Такой красоты не встречу никогда я.
О, если бы она теперь жила!»

* * *

С альпийских круч ты устремляешь воды
И носишь имя яростной реки,*
С тобою мы бежим вперегонки,
Я — волею любви, а ты — природы.

Я отстаю, но ты — другой породы,
К морской волне без роздыха теки,
Ты ощутишь, где легче ветерки,
Где чище воздух, зеленее всходы.

Знай: там светила моего чертог,
На левом берегу твоём отлогом
Смятенная душа, быть может, ждёт.

Коснись её руки, плесни у ног,
Твоё лобзание скажет ей о многом:
Он духом твёрд, и только плоть сдаёт.

* * *

От Эбро и до гангского истока,
От хладных до полуденных морей.
На всей земле и во вселенной всей
Такой красы не видывало око.

Что мне предскажут ворон и сорока?
Чьи руки держат нить судьбы моей?
Оглохло милосердие, как змей,
Прекрасный лик меня казнит жестоко.

Любой, кто видит эту красоту,
Восторг и сладкий трепет ощущает,
Она дарует всем свой чистый свет,

Но, охлаждая пыл мой и мечту,
Притворствует иль впрямь не замечает,
Что я, страдая, стал до срока сед.

* * *

Хлысту любви я должен покориться,
У страсти и привычки в поводу
Вослед надежде призрачной иду,
Мне на сердце легла её десница.

Не видя, сколь коварна проводница,
Ей верит сердце на свою беду,
Во власти чувств рассудок, как в бреду,
Желаний бесконечна вереница,

Краса и святость завладели всем,
В густых ветвях я пойман был нежданно,
Как птица, бьётся сердце взаперти.

В то лето — тыща триста двадцать семь,
Шестого дня апреля утром рано
Вступил я в лабиринт — и не уйти.

* * *

Во сне я счастлив, радуюсь тоске,
К теням и ветру простираю длани,
Кочую в море, где ни дна, ни грани,
Пишу на струях, строю на песке.

Как солнце мне сияет вдалеке,
И слепнет взор, и словно всё в тумане,
Спешу я по следам бегущей лани
На колченогом немощном быке.

Всё, что не ранит, привлечёт едва ли.
Нет, я стремлюсь во сне и наяву
К Мадонне, к смерти, к роковому краю.

Все эти двадцать долгих лет печали
Стенаньями и вздохами живу.
Я пойман, я люблю, я умираю.

* * *

Такой небесный дар — столь редкий случай:
Здесь добродетелей высоких тьма,
Под сенью светлых прядей — свет ума,
Сияет скромность красотой жгучей.

Чарует голос ласковый, певучий,
Осанка так божественно пряма,

Во всех движеньях — чистота сама,
Пред ней склонится и гордец могучий.

Способен взор окаменить и сжечь,
И тьму, и ад пронзят его сполохи,
Исторгнув душу, в плоть вернут опять.

А этот сладкий голос, эта речь,
Где полны смысла и слова и вздохи! —
Вот что меня могло околдовать.

* * *

Какое наважденье, чей увет
Меня бросает безоружным в сечу,
Где лавров я себе не обеспечу,
Где смерть несчастьем будет. Впрочем, нет:

Настолько сладок сердцу ясный свет
Прекрасных глаз, что я и не замечу,
Как смертный час в огне их жарком встречу,
В котором изнываю двадцать лет.

Я чувствую дыханье вечной ночи,
Когда я вижу пламенные очи
Вдали, но если их волшебный взгляд

Найдёт меня, сколь мука мне приятна —
Вообразить, не то что молвить внятно,
Бессилен я, как двадцать лет назад.

* * *

«О донны, почему, сходясь в часы бесед,
Так одиноки вы и смех звучит уныло?
Где жизнь моя теперь, о, где моя могила?
Ну почему среди вас моей любимой нет?»

«Смеёмся и грустим, желанный вспомнив свет,
Подругу милую, которой нас лишила
Ревнивая родня, завистливая сила,
Чьи радости растут по мере наших бед».

«Но душу угнетать дано каким законом?» —
«Душа — она вольна, здесь плоть в тиски взята,
Мы сами эту боль испытываем ныне.

Подспудную печаль подчас прочесть легко нам:
Ведь мы же видели, как меркла красота.
Как влагой наполнились глаза твоей святыни».

* * *

О, если бы я мог обрушить гнев
На ту, чей взгляд меня разит и слово,
И кто, явившись, исчезает снова,
Бежит, чтоб я скорбел, осиротев,

И кто, душой усталой овладев,
Её казнит и мучит столь сурово,
Что в бедном сердце вместо сна благого
Вдруг просыпается жестокий лев.

Успел стократ погибель испытать я,
Но, сбросив плоть, мой дух стремится к той,
Чьё равнодушие тяжелей проклятья.

Непостижимое передо мной:
Когда он с плачем тянет к ней объятья,
Увы, невозмутим её покой.

* * *

Прекрасные черты, предел моих желаний,
Глядеть бы и глядеть на этот дивный лик,
Не отрывая глаз, но в некий краткий миг
Был образ заслонен движеньем нежной длани,

Мой дух, трепещущий, как рыба на кукане,
Привязанный к лицу, где блага свет велик,
Не видел ничего, когда тот жест возник,
Как не узреть птенцу тенёта на поляне.

Но зрение моё, утратив свой предмет,
К виденью красоты, как бы во сне, открыло
Дорогу верную, без коей жизни нет.

Передо мной лицо и длань как два светила,
Какой невиданный, какой волшебный свет!
Подобной сладости непостижима сила.

* * *

Искрились ясных глаз живые свечи,
Меня касаясь нежностью лучей,
Из недр глубоких сердца, как ручей,
Ко мне струились ласковые речи.

Теперь всё это далеко-далече,
Но жгут воспоминанья горячей:

Был переменчив свет ее очей
И всякий раз иным бывал при встрече.

С привычным не разделаться никак:
Двойных услад душа не знала прежде
И не могла соблазна побороть.

Она, отведав незнакомых благ,
То в страхе пребывала, то в надежде.
Готовая мою покинуть плоть.

* * *

Она жила во мне, она была жива,
Я в сердце жалкое впустил её — синьору.
Увы, всё кончено. Где мне найти опору?
Я мёртв, а ей дано бессмертье божества.

Душе ограбленной утратить все права,
Любви потерянной скитаться без призору,
Дрожать от жалости плите надгробной впору,
И некому их боль переложить в слова.

Их безутешный плач извне услышать трудно,
Он глубоко во мне, а я от горя глух,
И впредь мне горевать, и впредь страдать от ран,

Воистину мы — прах и сиротливый дух,
Воистину — слепцы, а жажда безрассудна,
Воистину мечты в себе таят обман.

* * *

Что делать с мыслями? Бывало, всякий раз
Они лишь об одном предмете толковали:
«Она корит себя за наши все печали,
Она тревожится и думает о нас».

Надежды этой луч и ныне не погас:
Она внимает мне из поднебесной дали,
С тех пор как дни её земные миновали,
С тех пор как наступил её последний час.

Счастливая душа! Небесное созданье!
Чудесная краса, которой равных нет! —
Она в свой прежний рай вернулась, где по праву

Блаженство ей дано за все благодеянья!
А здесь, в кругу живых, её безгрешный свет
И жар моей любви ей даровали славу.

* * *

Я прежде склонен был во всем себя винить.
А ныне был бы рад своей былой неволе
И этой сладостной, и этой горькой боли,
Которую сумел потайно сохранить,

О Парки злобные! Вы оборвали нить
Единственной судьбы, столь милой мне в юдоли
У золотой стрелы вы древко раскололи,
А я для острия был счастлив грудь открыть.

Когда она жила, мой дух отверг свободу,
И радости, и жизнь, и сладостный покой —
Всё это обрело и смысл и образ новый.

Напевам, сложенным кому-нибудь в угоду,
Я стоны предпочёл во имя той, одной,
И гибельный удар, и вечные оковы.

* * *

Где ясное лицо, чей взгляд мне был приказом? —
Я следовал за ним всему наперекор.
Где озаряющий мою дорогу взор,
Две путевых звезды, подобные алмазам?

Где благочестие, где знание и разум,
Где сладостная речь и тихий разговор?
Где чудо красоты, чей образ с давних пор
Преследовал и влѣк, и удалялся разом?

Где ласковая сень высокого чела,
Дарившая в жару дыхание прохлады
И мысль высококую, и обаянье грѣз?

Где та, что за руку мою судьбу вела?
Мир обездоленный лишѣн своей услады,
И взор мой горестный, почти слепой от слѣз.

ИЗ «РОМАНСЕРО»*

РОМАНСЫ О КОРОЛЕ РОДРИГО

Родриго открывает заколдованную Толедскую пещеру

Повелитель дон Родриго,
Чтобы трон прославить свой,
Объявил турнир в Толедо,
Небывалый будет бой:
Ровно шесть десятков тысяч
Славных рыцарских знамён.
Но когда турнир великий
Открывать собрался он,
Появились горожане,
У его склонились ног:
В древнем доме Геркулеса
Просят снять с дверей замок.
Рьяно взялся он за дело,
Как владыки всех времён,
Сбить замки и все засовы
Повелел немедля он.

В дом входя, он думал: клады
Геркулес оставил в нём,
Оказалось — в доме пусто,
Не хранил сокровищ дом.
Только надпись увидали:
«Встретишься, король, с бедой!
Кто проникнет в это зданье,
Тот погубит край родной».
Был ещё сундук богатый
Вынут из одной стены.
Стяги в нём. На каждом стяге
Были изображены
Сотни мавров — как живые,
Их мечи обнажены,
Кони быстрые ретивы,
Лики всадников страшны.
Арбалеты, катапульты —
Устрашающий поток.
Дон Родриго отвернулся,
Больше он смотреть не мог.
Тут с небес орёл спустился,
И сгорел немедля дом.
Армию король направил
В Африку прямым путём.
Графу дону Хулиану
Поручил команду он.
Но во время переправы
В море граф понёс урон.
Двести кораблей погибло,
Сто гребных галер, и вот
Спасся граф с остатком войска.
Так закончился поход.

*Как король дон Родриго влюбился в Ла Кава,
когда она мыла волосы в роднике*

Чистой влагою хрустальной,
Родниковою водою
Мыла волосы Ла Кава —
Это чудо золотое,
Оттеняет мрамор шеи
Нежных прядей позолота,
Взор притягивают к шее
Эти пряди, как тенёта.
На воду, на отраженье
Смотрит девушка влюблённо
И боится стать несчастной,
Как Нарцисс во время оно.
На неё глядел Родриго,
Стоя в заросли зеленой.
Был Родриго околдован
И промолвил, восхищённый:
«Что там Троя! Что Елена
Рядом с этой красотой!
Всю Испанию, пожалуй,
Я бы сжёг в огне, как Трою».

Родриго и Ла Кава

С приближёнными своими,
Шаловлива и лукава,
Из дверей дворцовой башни
Выходила в сад Ла Кава.
Девушки в кружок уселись
На траве зелёной сада,
Под ветвями пышных миртов,
Под листвою винограда.

С ними в круг Ла Кава села.
Ей на ум пришла забава:
Лентою стопы обмерить
Повелела всем Ла Кава.
Все измерили. Последней
Измерять Ла Кава стала.
Оказалось, меньше ножки
И прекрасней не бывало.
Но откуда знать Ла Каве,
Что судьбе жестокой надо?
Увидал Родриго деву,
Отвести не в силах взгляда.
Задрожал Родриго. Случай
Выпустил на волю пламя,
Короля любовь объяла,
Широко взмахнув крылами.
Во дворец ушли девицы,
Опустела вдруг поляна.
Был пленён король Родриго
Самой нежной и желанной.
Он призвал её назавтра
В свой покой и молвил: «Право,
Мне сегодня жизнь постыла,
О прекрасная Ла Кава!
Если ты мне дашь спасенье,
Ждёт тебя тогда награда.
Я готов принести корону
На алтарь твой, если надо».
Говорят, она сердилась,
Королю не отвечала,
Но потом обрёл Родриго
Всё, о чём просил сначала.
Сорван был цветок прекрасный.
Что раскаянье! Немало
Из-за прихоти Родриго
Вся страна потом страдала.

Нынче спорят, кто виновней
И кого судить по праву:
Женщины винят Родриго,
А мужчины все — Ла Каву.

* * *

Говорят, влюблён Родриго,
Ходит грустный — замечали.
Лишь Ла Каве он поведал,
В чём секрет его печали.
На красавицу глядел он
Восхищёнными очами,
Руки белые он славил
Восхищёнными речами:
«Ты пойми меня, поверь мне,
Я души в тебе не чаю,
Быть хочу твоим до гроба,
Сердце я тебе вручаю».
Хоть Родриго честью клялся,
Не поверила Ла Кава,
То смеялась, то винулась,
То упрячилась лукаво.
Этот смех притворный слыша,
Стал король ещё печальней.
После трапезы поздней
Он пошёл в опочивальню,
А пажа послал за Кавой,
И послушная девица,
О беде не помышляя,
Не замедлила явиться.
Лишь узрел король Ла Каву,
Обнял он её мгновенно,
Дал ей сотню обещаний,
О любви моля смиренно.

Но не верила Ла Кава
Обещаниям и лести.
И тогда Родриго силой
Взял её, забыв о чести.
В свой покой ушла Ла Кава,
Обеспамятев от горя,
Как ей быть? Кому поведать
О несчастье и позоре?
Что ни день, она рыдала,
Красота её увяла,
И одна её подруга
Слёзы Кавы увидала.
И рыдающей Ла Каве
Вот что дама та сказала:
«Я теперь, Ла Кава, вижу,
Ты не веришь мне — иначе
Ты бы честно мне призналась,
Отчего исходишь в плаче».
И несчастная Ла Кава,
Хоть противилась вначале,
Все подруге рассказала,
Излила свои печали
И сказала, что об этом
Помолчать бы не мешало.
Но совет дала ей дама,
Вот что ей она сказала:
«Напиши отцу всю правду,
Обо всём поведай прямо».
Всё исполнила Ла Кава,
Что советовала дама.
Отдала гонцу посланье,
И, покорствуя приказу,
На корабль он сел в Тарифе
И в Сеуту отбыл сразу,
Там вручил посланье графу,
Гордому отцу Ла Кавы.

Мать её, узнав о горе,
Зарыдала: «Боже правый!»
Граф жену свою утешил,
Дал графине обещанье,
Что сочтётся он с Родриго
За позор и поруганье.

Ла Кава оплакивает свой позор

Слёзы градом льёт на землю,
В воздух стоны исторгая,
Нет, не зря, не без причины
На сердце печаль такая
У Ла Кавы горемычной:
Вся страна поет ей славу,
По красе считают первой
И по горестям Ла Каву.
От любви её печали,
От презрения — страданья.
Охлаждение Родриго
Тяжелее поруганья.
«Ради прихоти минутной
Ты замыслил шаг коварный,
Честь, достоинство Ла Кавы
Ты попрал, неблагодарный.
Нет, из-за самой потери
Я б не стала убиваться,
Горько мне, что за бесчестье
Не могу я расквитаться.
За обман я мстить не в силах,
Спор с тобой веду напрасный:
Ты презрел меня, ославил.
А была я так прекрасна.

Да, к речам твоим коварным
Я была глуха когда-то,
Ибо им не доверяла,
Знала, что придёт расплата.
Разве я могла представить,
Что увенчанный короной
Припадёт с мольбой смиренной,
Словно юноша влюблённый.
О своей твердишь ты мести,
Но и в этом правды мало,
Ибо кровь моя причиной
Славного отпора стала».

*Граф Хулиан клянётся отомстить Родриго
за бесчестье дочери*

Говорит сеньор Тарифы:
«О, позор моим сединам.
Отомщу я, оскорблённый
Королём и господином».
Рвёт свои власы седые
Старец в исступленье диком
И серебряные нити
По ветру пускает с криком.
Благородный лик изранен,
И видны на этом лике
Два источника. Струится
Горести поток великий.
В гневе граф не видит неба,
Руки вскинул к звёздным высям.
Там его беды свидетель,
От кого мы все зависим.
О судьба, о жалкий жребий,
Ты в холодном безразличье

Так безжалостно караешь
Благородство и величье.
О король наш безрассудный,
Ты расплаты не предвидел,
Красотою ослеплённый,
Ты меня и дочь обидел.
Даст Бог, сил во мне достанет,
Отплачу я, не взыщи ты.
Я взываю к правосудью,
У небес молю защиты.
Люди, вы меня за эти
Речи строго не судите.
Если сам король предатель,
Что взять с подданных. Скажите.
Слава небу! Превратится
Вся Испания в руины,
Потому что нечестивец
Оскорбил мой род старинный.
Невиновные заплатят
За неистовства владыки.
Если сам король бесчестен,
Ждёт страну позор великий.
Прикрываясь Божьей волей,
Деспоты жестокой каре
Предают людей невинных,
Словно Сулла или Марий.
Видит Бог, когда бы мог я,
Я б не стал вредить отчизне,
Лишь тирану отомстил бы,
Не губил бы столько жизней.
Но иной мне выпал жребий:
Полонили сарацины
Мой удел, мою Тарифу,—
Всюду пламя и руины.
На несчастье иль на счастье
Грозная явилась сила.

Кость — в игре, а где та воля,
Чтоб её остановила?
Слава Богу! Наш властитель
Должен скоро расплатиться,
Скоро с честью и короной,
Скоро с жизнью он простится.
Так неужто же, безумцы,
Потакать ему должны мы?
Неужели злость и подлость
Тех, кто правит, несудимы?
Небо, небо, всё ты взвесишь,
Всем воздашь ты за могилой.
Так взгляни на горе старца,
Пожалей его, помилуй».
Так дон Хулиан несчастный
Сетовал, читая строки
Горького письма Ла Кавы,
Чьи печали столь жестоки.

Плач о гибели Испании

Оглянитесь, дон Родриго.
Где ваш край и ваша слава?
Всю Испанию сгубили
Ваша прихоть и Ла Кава.
Поглядите — ваши люди
Полегли в бою кровавом.
Нет, отчизна невиновна.
Может, кровь её нужна вам?
О Испания!.. Погибла.
А виной всему — Ла Кава.
Где добытая веками
Наших гордых дедов слава?

Королевство, жизнь и душу
Вы внезапно потеряли,
Ваше кончилось блаженство.
Наши множатся печали.
Честь всегда от злобы гибнет.
Погибает жизнь и слава.
О, Испания погибла.
А виной всему — Ла Кава.

РОМАНСЫ О КОРОЛЕ ДОНЕ ПЕДРО ЖЕСТОКОМ

* * *

Разошлась молва в народе —
Правда ль, нет — но слух пустили,
Что магистр высокородный
Дон Фадрике де Кастилья
Опозорил дону Педро —
Короля, родного брата,
Соблазнил-де королеву;
Говорят одни: «Брюхата»,
«Родила», — иные шепчут.
Разошлись по всей Севилье
Кривотолки. Неизвестно,
Правда ль, нет — но слух пустили.
Далеко король дон Педро,
И не слышал он покуда
Об измене. А услышит —
Кой-кому придётся худо.
Что же делать королеве?

Сердце ужасом объято,
Пал на дом позор великий,
День и ночь страшит расплата.
И послала королева
За придворным именитым,
Был тот муж, Алонсо Перес,
У магистра фаворитом.
Он предстал пред королевой,
И ему сказала дама:
«Подойди, Алонсо Перес,
Не лукавь, ответствуй прямо,
Что ты знаешь о магистре?
Где он? Слышишь?» — «О сеньора!
Он уехал на охоту,
С ним все ловчие и свора».
«Но скажи.. Ты, верно, слышал?
Толк о нём в народе шумный...
Я сердита на магистра.
Он такой благоразумный
И к тому же благородный,
Славный столь и родовитый...
Родила на днях младенца
Девушка из нашей свиты.
Мне она была подругой
И молочную сестрою.
Очень я её любила
И её проступок скрою.
Беспокоюсь, что об этом
Вся страна узнает скоро».
Что ж в ответ Алонсо Перес?
«Вам рука моя — опора.
Воспитать берусь младенца.
Дайте мне его, сеньора».
Принесли немедля свёрток
В жёлто-алом покрывале

Без гербов, без украшений
И Алонсо передали.
В Андалузию повёз он
Этот сверток драгоценный.
В небольшой далёкий город,
Называемый Льереной.
И дитя на воспитанье
Дал одной своей знакомой.
Женщина была прекрасна,
И звалась она Паломой.
Мать её была еврейка,
А отец её — меняла.
Стал расти инфант, но вскоре
Эту тайну разузнала
Донья хитрая Мария,
Та, что вечно клеветала.
Толком истины не зная,
Королю она писала:
«Я — Мария де Падиля.
Знай, сеньор, твоя Мария
Век тебя не предавала,
Предали тебя другие.
То, что я пишу,— всё правда,
Верь, сеньор, я лгать не стану.
Твой обидчик спит спокойно,
Хоть нанёс тебе он рану.
Не придёт он сам с повинной.
Обличить пора Иуду.
Всё. На этом я кончаю.
Докучать тебе не буду».
Прочитал король посланье,
Вызвал грандов для совета.
В самый мрачный день недели,
В понедельник было это.

Покидал король Тарифу,
Хоть немало неотложных
Было дел, но он оставил
За себя людей надежных:
Дон Фадрике де Акунюю,
Опытного полководца —
Знал король: сей муж бесценен,
Если жаркий бой ведётся;
И двоюродного брата
Дон Гарсию де Падилю;
Также Телье де Гусмана —
Все его безмерно чтили,
Дона Педро воспитал он,
Наделён умом был щедро.
В среду, на заре вечерней,
В путь отправился дон Педро
Вместе с Лопесом Осорью,
Другом верным, неизменным.
Путники глубокой ночью
Прибыли к севильским стенам.
Поздно. Как проникнуть в город?
Все ворота на запоре.
К счастью, мусорную кучу
Под стеной узрели вскоре,
Скакуна подвёл дон Педро,
Встал на спину и мгновенно,
За бойницу ухватившись,
Перебрался через стену.
К своему дворцу дон Педро
Подошёл и стал стучаться,
Позабыв, что в это время
Слуги спят и домочадцы.
И в него швырять камнями
Начала ночная стража,

Был король побит изрядно,
Потерял сознание даже.
И вскричал тогда Осорью:
«Стойте! Что вы натворили?
Это ваш король, дон Педро!»
Тотчас же ворота открыли.
Подошли поближе слуги:
«Наш король на самом деле!»
Повели его в покои,
И уснул король в постели.
Трое суток жил он тайно
Во дворце, в глухом покое,
А потом в далёкий Кадис
Отослал письмо такое:
Брата своего, магистра,
В этом царственном посланье
На турнир прибыть в Севилью
Он просил без опоздания.

*Как король дон Педро
приказал убить своего брата дона Фадрике*

В дни, когда я был в Коимбре,
Взятой мной у супостата,
Королевский вестник прибыл,
Мне привёз письмо от брата.
Повелел мне брат мой Педро
Быть в Севилье на турнире.
Тотчас я, магистр несчастный,
Самый горемычный в мире,
Взял с собой тринадцать мулов,
Двадцать пять коней холёных
В драгоценных пышных сбруях,
В пёстрых шёлковых попонах.

Двухнедельную дорогу
Одолея за неделю,
Но когда мы через реку
Переправиться хотели,
Вдруг мой мул свалился в воду.
Сам я спасся еле-еле,
Но кинжал свой потерял я
С рукояткой золотою,
И погиб мой паж любимый,
Тот, что был воспитан мною.
Так привёл меня в Севилью
Путь, отмеченный бедою.
А у самых врат столицы
Встретил я отца святого,
И монах, меня увидев,
Мне такое молвил слово:
«О магистр, храни вас небо!
Есть для радости причина:
В этот день — в ваш день рожденья,
Подарил господь вам сына.
Я могу крестить младенца.
Вы скажите только слово,
И приступим мы к обряду —
Всё для этого готово».
И ответил я монаху:
«Мне сейчас не до обряда,
Не могу остаться, отче,
Уговаривать не надо.
Ждёт меня мой брат дон Педро,
Повелел он мне явиться».
Своего пришпорив мула,
Тотчас въехал я в столицу,
Но не вижу я турнира,
Тишиною всё объято.

Как незванный, я подъехал
Ко дворцу родного брата.
Но едва вошёл в палаты,
Не успел ступить я шагу —
Дверь захлопнулась, и мигом
У меня забрали шпагу.
Я без свиты оказался —
Задержали где-то свиту,
А без преданных вассалов
Где же я найду защиту?
Хоть меня мои вассалы
О беде предупреждали,
За собой вины не знал я
И спокоен был вначале.
Я вошёл в покои брата
И сказал ему с поклоном:
«Государь! Пусть Бог поможет
Вам и вашим приближенным».
«Не к добру, сеньор, приезд ваш,
Не к добру. За год ни разу
Брата вы не навестили,
Прибегать пришлось к приказу.
Почему-то не явились
Вы, сеньор, своей охотой.
Вашу голову в подарок
К Рождеству получит кто-то».
«Государь, в чём я виновен?
Чтил я ваш закон и волю,
С вами вместе гнал я мавров,
Верным был на бранном поле».
«Стража! Взять! И обезглавить!
Приступайте к делу быстро!»
Не успел король умолкнуть,
Сняли голову с магистра

И Марии де Падилья
Поднесли её на блюде,
И она заговорила
С головой. Внемлите, люди!
Вот какую речь держала:
«Вопреки твоим наветам
Мы сочлись за всё, что было
В том году, а также в этом.
И за то, что дона Педро
Подлым ты смущал советом».
Дама голову схватила
И её швырнула догу.
Дог — любимый пёс магистра —
Голову унёс к порогу
И завыл, да так, что трепет
По всему прошёл чертогу.
«Кто,— спросил король дон Педро,—
Кто посмел обидеть дога?»
И ответили дворяне
На такой вопрос владыки:
«Плачет пёс над головою
Брата вашего Фадрике».
И тогда сказала слово
Тётка короля седая:
«Вы, король мой, зло свершили!
Вас, король, я осуждаю!
Из-за женщины коварной
Брата погубить родного!..»
Был смущён король дон Педро,
Услыхав такое слово.
На Марию де Падилья
Поглядел король сурово:
«Рыцари мои, схватите
Эту злобную волчицу!

Ждёт её такая кара,
Что и мёртвый устрашится».
Появилась тут же стража,
Даму бросили в темницу;
Сам король носил ей пищу,
Разных козней опасался.
Лишь пажу, что им воспитан,
Он всецело доверялся.

*Донья Бланка сетует
на жестокость своего супруга короля дона Педро*

Донья Бланка, там, в Сидонье,
Изнывая в заточенье,
Со слезами говорила
Преданной своей дуэнье:
«Я родная дочь Бурбона,
Я принцесса по рождению.
Герб мой, символ королевский,—
Лилии изображенье.
Здесь о Франции с тоскою
Вспоминаю что ни день я,
Родины я не забуду,
Даже став бесплотной тенью.
Если мне даны в наследство
Горести и злочюченья,
Значит, я — дитя печали
И несчастья порожденье.
Вышла я за дона Педро —
Так судило провиденье.
Злобен он, как тигр гирканский,
Хоть красой ласкает зренье.
Мне венец он дал — не сердце,
Сотворил немало злого.

Разве можем ждать добра мы,
Раз король не держит слова,
Данную ему супругу
Он отверг без сожаленья,
Ибо он избрал другую,
Отдал сердце во владенье
Злой Марии де Падила.я.
Мне он клялся, а на деле
Бросил ради фаворитки,
Что своей достигла цели.
Только раз он был со мною —
Гранды этого хотели.
Сотни дней, как мы расстались,
Вместе не прожив недели,
В чёрный день, во вторник утром
На меня венец надели.
День спустя мои покои
Стали мрачны, опустели.
Мужу в дар дала я пояс,
Яхонты на нём блестели.
Думала, что нас он свяжет,
Но была пустой затея.
Дал король мой дар Марии,
Всё отдаст ей, не жалея.
Отнесла она мой пояс
К черно книжнику-еврею;
Стал теперь мой дар бесценный
Мерзкому подобен змею,
С той поры не знаю счастья
И надеяться на смею».

Смерть доньи Бланки де Бурбон

«О, Мария де Падила,я,
Вам печалиться о чём?

Ради вас мой брак расторгнут,
Что же лик ваш омрачён?
Не люблю я, презираю
Донью Бланку де Бурбон.
Повелел я ей в темнице
Стяг соткать: да будет он
Цвета самой алой крови
И слезами окроплён! —
Этот алый стяг, расшитый
Доньей Бланкой де Бурбон,
В знак любви моей, Мария,
Будет вам преподнесён.
Вызван дон Алонсо Ортис,
Прям душою и умён, —
Пусть отправится в Медину,
Пусть прервёт работу он».
«Государь, — промолвил Ортис, —
Ваш приказ для всех закон.
Но убивший королеву
Короля предаст и трон».
Не сказал король ни слова,
Молча встал и вышел вон.
Двух убийц он шлёт в Медину,
Самых лютых выбрал он.
В час, когда молилась Бланка
В заточении своём,
Палачей она узрела,
Обомлела, но потом
Вновь пришла она в сознание
И промолвила с трудом:
«Знаю, для чего пришли вы,
Сердце мне твердит о том.
Нет, нельзя судьбы избежать,
Всяк идёт своим путём.

О Кастилия, скажи мне,
В чём я виновата? В чём?
Франция! Земля родная!
Дом Бурбонов, отчий дом!
Мне шестнадцать лет сегодня.
Встречу смерть к лицу лицом.
Девственницей умираю.
Хоть стояла под венцом.
Прощена ты мной, Мария,
Пусть виновна ты во всем.
Мною жертвует дон Педро.
Жаждет быть с тобой вдвоём».
Краткий срок ей для молитвы
Был отпущен палачом.
Но, не дав молитвы кончить,
Вдруг ударили сплеча.
И несчастная упала
Под дубиной палача.

*Священник предупреждает дона Педро
об угрожающей ему опасности*

Крепость выстроил дон Педро,
Опасался он измены.
Посреди полей Асофры
Встали каменные стены.
Чтоб не мог напасть Энрике,
Брат, соперник дерзновенный.
Раз, когда король был в замке,
Постучал аббат в ворота
И сказал, что дону Педро
Хочет он поведать что-то.
Стража провела аббата
В отдаленные покои

К дону Педро, где священник
Рассказал ему такое:
«Государь, король дон Педро,
Ты лишился бы покоя,
Если б ведал, если б знал ты,
Что нависло над тобою.
Мне открыл святой Доминго
То, что я тебе открою:
Знай — тебе грозит опасность,
Потому что дон Энрике
Извести тебя замыслил.
Зреет заговор великий.
Коль беспечен и доверчив
Будешь ты себе на горе,
Смерть тебя, король, постигнет,
В муках ты погибнешь вскоре.
Ты над этим поразмысли
И не забывай об этом.
Ради жизни и короны
Не пренебрегай советом:
Арестуй немедля графа,
Заточи его в темницу,
Требуя повиненья,
И тогда твой брат смирится.
И пока не даст он клятвы,
Содержи его в темнице.
Наконец, убей Энрике,
Если он не подчинится.
Твёрдым будь в своих поступках,
Иль судьба постигнет злая.
Верь, король, моим советам,
Я тебе добра желаю.
Знай, король, мое известье
Для тебя, как воскресенье,

Ты в опасности великой,
Я принес тебе спасенье;
Или ты, рассудку внемля,
Мне, король, поверишь — или
Встретишь гибель. Эту тайну
Небеса тебе открыли».
Это выслушал дон Педро,
Сердце трепетом объято,
И, однако, он значенья
Не придавал словам аббата.
Мыслил он: всё это слухи,
Лжёт священник, без сомненья,
Но потом, слегка подумав,
Он решил без промедленья
Всех сановников, всех грандов
Для совета вызвать все же,
Вызвать рыцарей отважных.
И когда сошлись вельможи,
Он сказал им: «Кабальеро,
Я собрал вас для совета.
Мне Господь раскрыл измену.
Что вы скажете на это?
Об опасности великой
Сообщил один священник.
Правда, я ему не верю,
Думаю, что лжёт, мошенник.
Может быть, у нас желает
Он снискать расположение?»
Вновь король велел аббату
Рассказать об откровенье,
О явлении святого,
О зловещих кознях брата.
А потом придворной страже
Приказал схватить аббата,

Он решил, что тот смеётся,
Не терпел дон Педро шуток.
Повелел костёр зажечь он —
В гневе был дон Педро жуток —
Он велел аббата бросить
В разгоревшееся пламя.
Чудилась всегда владыке
Лишь коварство за словами.

*Смерть короля дона Педро
от руки единокровного брата дона Энрике*

Руки мощные сплетают,
Обхватив друг друга, братья —
Дон Энрике с доном Педро.
Их железные объятья
Братскими не назовёте,
Братья бьются, слов не тратя,
То кинжал сверкнул, то шпага,
Крепко сжаты рукояти.
Короля теснит Энрике,
Сток Педро. Бьются братья,
В их сердцах пылает ярость,
С губ срываются проклятья.
В стороне стоит свидетель,
Молчаливый наблюдатель,
Юный паж, слуга Энрике.
Вдруг он видит — о Создатель! —
Братья дрогнули и оба
На пол падают. Некстати
Чуть замешкался Энрике,
И король — верхом на брате.
Час твой пробил, дон Энрике.

Паж — в смятенье и, не глядя,
Бросился на дону Педро,
За камзол хватает сзади,
Говоря: «Прошу прощенья.
Государь, судите сами,
Я спасаю господина,
Потому невежлив с вами».
И уже вскочил Энрике,
Сталь в деснице засверкала.
В грудь коварного владыки
Острие вошло кинжала.
Сердце замерло навеки,
Захлебнулось кровью алой.
В христианском нашем мире
Злее сердца не бывало.

ПЕТР ГЕКТОРОВИЧ

1487–1572

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

И РЫБАЦКИЕ ПРИСКАЗКИ

Отрывок

Выйдя в полдень жаркий к берегу залива,
У рыбачьей барки повстречал я диво:
Чувствами богатых бедняков я встретил,
Пусть наряд в заплатках — был бы разум светел!
Нас всегда смущает вид простонародный,
Знайте — он скрывает разум благородный.
Нищета богата — Бог тому свидетель! —
В ней, как в недрах золото, скрыта добродетель.
Бедняков считаем мы ненужным сором,
Так что нищета им кажется позором,
Но когда при встрече к беднякам снисходим,
Их простые речи мудрыми находим.

Кажется убогим их существованье,
Но даны немногим мудрость их и знанье.
Диоген когда-то был увенчан славой,
Жил он небогато — в бочке жил дырявой.
Персов победитель знал величью цену,
Но познал властитель зависть к Диогену.
И сказал тогда я рыбакам смиренным:
«Что же, обладая опытом бесценным,
Вы свой дар таите? Братья, вы не правы!
Если знать хотите, вы достойны славы.
Разум ваш чудесен, он во всё вникает,
Сладость ваших песен в сердце проникает.
Мне бы плыть беспечно с вами по просторам
И внимать бы вечно вашим разговорам».
И тогда Паское отвечал с поклоном:
«Вы со всей душою — к людям неученым.
Наше вам спасибо, вы добры без меры
К нам, крестьянам, ибо мы бедны и серы.
Не судите строго — знают даже дети:
Тех, чья жизнь убога, больше всех на свете».
Прекратив беседу, я сказал крестьянам:
«Приступить к обеду, кажется, пора нам».
Говорится слово — делается дело,
Варево готово, быстро закипело.
И когда вкусили мы горячей снеди,
Снова приступили к прерванной беседе.
Долго говорили про улов богатый
И о том, как плыли мы в ладье дощатой.
Я сказал: «Свершилось всё, как мы хотели:
Море покорилося, волны отшумели.
Долго мы блуждали по морю седому,
Но опять пристали к берегу родному».

НИКОЛА НАЛЕШКОВИЧ

1510–1587

* * *

Как можешь примириться
Ты с участью моею:
Я сохну и бледнею,
Смерть зову я.
Тебе любовь даруя,
Я тщетно ждал ответа.
Какая же за это
Мне награда?
Нет, золота не надо,
Я не стремлюсь к наживам,
Я преданным, не лживым
Был слугою.
Бродил я за тобою
И ждал совсем иного —
Лишь ласкового слова
Нежной вилы,
Я жаждал, друг мой милый,
Хотя бы только взгляда,
Вот высшая награда,
Без сомненья!
Готов я на мученья,
Пусть боль терзает душу!
Коль верность я нарушу,
Пусть я сгину!
Развей мою кручину,
Дай радости немного,
Молю я, ради бога,
Дорогая!

Я счастлив, вспоминая
Черты живые эти,
Им равных нет на свете
И не будет!
Твой взгляд мой жар остудит.
Ты облегчишь мне муку,
Лишь протяни мне руку,
Я воспряну.
Твоим навеки стану,
Поклонник твой несмелый.
Бери, что хочешь делай,
О царица!

НИКОЛА ДИМИТРОВИЧ

1510–1554

* * *

Николе Нале

Строка, ты крылата, лети же к Николе,
Сожрал с ним когда-то немало я соли,
Лети же с приветом над славной Рагузой,
Любезной поэтам, взлелеянной музыой.
Порой мы в такие уносимся дали,
Которых иные во сне не видали.
В далёких державах скитаюсь я ныне.
Дворцов величавых полно на чужбине.
Мне столько изведать пришлось в этих странах —
Всего не поведать и в книгах пространных.
Сегодня в стране я неведомой, новой,
Здесь рожи чернее икры осетровой;

Здесь силу и старый подчас сохраняет,
Посмотришь — кантары* шутя поднимает;
Здесь молодец ражий за трапезу сядет —
С подобной поклажей и лошадь не сладит;
Когда не хватает для выпивки денег,
Свой скарб пропивает мгновенно мошенник,
За выпивкой пищи глотает он горы —
Обжора почище любого обжоры.
В тех землях святыми считают безумных,
Толпятся за ними на торжищах шумных.
Они здесь персоны всех выше на свете,
Здесь бьют им поклоны и старцы и дети.
Диковин немало в земле этой странной:
Врата из металла, а ключ — деревянный,
Здесь люди порою к учтивости глухи:
Облают свиньёю и отпрыском шлюхи.
Тебя лиходеи побьют между делом,
Беги поскорее — останешься целым.
Без чести, без сердца живут образины,
Любой иноверца предаст за майдины*.
Тебя супостаты обманут открыто,
Здесь деньги лишь святы, а совесть забыта.
Налешкович славный, всё это не диво:
Ведь силою главной здесь стала нажива.
Здесь можно порою нажать нехудо,
С набитой мошною уехать отсюда.
Венеция стала сильна и богата —
Не здесь ли стяжала Венеция золото?
Она посещает давно эти страны
И вдаль посылает галер караваны,
И грузит их, Нико, она не холстами —
Торгует гвоздикой, корицей, шелками.
Мы, друг мой, робеем в торговле недаром —
Совсем не владеем купеческим даром:
Тростник поставляем и лес басурманам,

Барыш уступаем купцам чужестранным.
Когда бы мы были немного лукавей,
Мы их бы затмили в богатстве и славе,
И мы б торговали тогда не впустую...
А впрочем, мой Нале, о чём я толкую!
Тебя бы о жизни хотел расспросить я:
Какие в отчизне случились события?
Слышал я: от мору страна пострадала,
Погибло в ту пору сограждан немало.
Пускай наградит их наш Бог-Вседержитель
И примет забытых в Господню обитель!
А коли с чумою ты справился чёрной,
С болезнью любую ты сладишь бесспорно.
Ты силой отмечен и ладно сколочен,
Как тисс долговечен, и кряжист, и прочен.
Ведь четверть ягненка съедал ты, бывало,
В придачу цыплёнка, жаркого немало,
С друзьями гуляя под сенью Парнаса,
Вином запивая горячее мясо.
Обижен судьбою, я горько заплачу,
Коль дружбу с тобою навеки утрачу.
Кто рифмой не хуже владеет, чем Матко,
И пишет к тому же так нежно и сладко?
Тревожусь о Матке: он в Стон перебрался —
В краю лихорадки живым бы остался!
Но тягостней муки, когда умираем,
Скорбя от разлуки с отеческим краем,
Плывёшь на чужбину — и солнце не светит;
А Матко кончину с улыбкою встретит,
Он мир не покинет, останется здесь он,
Поскольку не сгинет краса его песен;
Поёт для влюблённых он песни поныне,
Как пел Арион их, плывя на дельфине.
Хоть дома бывают болезни жестоки,
От них умирают и здесь, на востоке.

Мне страны такие ещё не встречались,
Где жизни людские два раза кончались;
Два раза кончатся захочет ли каждый —
Со светом прощаться приятно ли дважды?
Нас гибель — о Боже! — одна ожидает,
Кто раньше, кто позже сей мир покидает.
О Нико мой милый, ты знаешь прекрасно:
Избегнуть могилы живое не властно.
Я жив, и при этом здоров я покуда;
Здесь гибельно летом, а нынче нехудо;
Зимой расцветают поля и долины,
Плоды созревают, бобы и маслины,
Пройди по базарам: капусты, салату
Дадут, коль не даром — за малую плату.
Ни глада, ни стужи здесь нет и в помине,
А в поле к тому же привольно скотине,
Баранина всюду жирна неизменно,
И льётся в сосуды молочная пена,
В три гроша монетку достань наудачу —
Получишь наседку и яйца в придачу,
И мелочи тоже на рынке достаток:
Динар — не дороже — голубок десяток.
Здесь сыра головки, там бочки сметаны,
На пыльной циновке огромные жбаны,
Здесь столько съестного всегда продаётся,
Лишь сала свиного купить не придётся,
Огромнейшей рыбы цена — полдинара,
Вовек не уйти бы с такого базара!
Хлебов здесь пятнадцать за грош покупаем,
Два наших сравнятся с таким караваем.
Здесь сладостна даже вода из колодца —
В Рагузе не слаже вино продаётся.
Всего не изложишь. Рассказ покороче
И то ты не сможешь дослушать до ночи.
Не край здесь, а чудо, с ним рай не сравнится;
Кто станет отсюда в могилу стремиться?

Я точку на этом поставлю, пожалуй,
Не медли с ответом, бродягу побалуй.
Матьело я тоже поклон посылаю.
(Он жив ли, о Боже!) На этом кончаю.

*Сей Александров град основан Македонцем,
Здесь, Нале, твой собрат живёт под жарким солнцем,
Здесь в тысячу пятьсот пятьдесят третий год,
С тех пор когда Господь явил Христа приход,
В день тёплый января на солнечном Востоке,
С тобою говоря, писал я эти строки.*

ДИНКО РАНИНА

1536—1607

* * *

Не вижу я счастья в именье богатом,
Не стану я властью прельщаться и златом.

Ни белоколонных дворцов мне не надо,
Ни сводов зелёных тенистого сада,

Не любви мне, право, ни дух благовоний,
Ни бранная слава, ни борзые кони,

Ни княжья порфира, ни сладость короны,
Ни таинства мира, ни Божьи законы,

Не жажду постичь я судьбы повеленья,
Не жажду величья, не жду поклоненья.

Стр. 517. Дигенис – герой богатырских песен IX–XI вв., воспевавший подвиги акритов, дружинников, которые охраняли границы Византийской империи.

Стр. 517. Нана Кальянеси – издательница. В возглавляемом ею издательстве «Кедрос» выходят в свет все книги Янниса Рицоса.

Стр. 517. Кадмо – героиня одноименного романа греческой писательницы Мельпо Аксиоти.

Стр. 517. Химонас, Циркас – современные греческие прозаики.

Стр. 518. Де Кíрико, Джорджо (1888–1978) – итальянский живописец, глава «Метафизической школы».

Стр. 518. Ариадна – критская царевна, влюбившаяся в героя Тезея и спасшая его от чудовищного Минотавра, впоследствии вероломно покинутая Тезеем.

Стр. 518. Гермес – греческий бог, вестник богов, носивший крылатые сандалии.

Стр. 521. ...*за упокой душ острова Милос...* – О гибели и воскрешении острова Милос Рицос писал в своей поэме «Гибель Милоса» (1969).

Георгис Кафтантзис. Родился в 1920 г, греческий поэт, автор поэтических книг «Плачи», «Небесные колосья», «Тяжелые годы», «Лунная баллада» и др.

От переводчика 5

Из итальянской поэзии 11

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА 11

«Сердца влюблённых с беспощадной силой...» 11

«Но если поражён я нежным оком...» 12

«Амур, природа, вкупе со смиренной...» 12

«Вот птица Феникс в перьях из огня...» 13

«Когда б Гомер великий и Вергилий...» 13

«О солнце, ты и в стужу светишь нам...» 14

«Забвенья груз влача в промозглый мрак...» 15

«Свет вечной жизни – лицемерье Бога...» 15

«Амур, ты светоч славы яснолицей...» 16

«Вкушает пищу разум мой такую...» 16

«Любимого дыханья благодать...» 17

«В листве зелёной шелестит весна...» 18

«Дохнул в лицо прохладой лавр прекрасный...» 18

«Колеблет ветер, солнце освещает...» 19

«О, эта обнаженная рука...» 19

«Судьба смягчилась, наградив меня...» 20

«Из недр прозрачных дива ледяного...» 21

«Но я горю огнём на самом деле...» 21

«Душа моя, которая готова...» 22

«Как сладки примиренье и разлад...» 22

«С альпийских круч ты устремляешь воды...» 23

«От Эбро и до гангского истока...» 24

«Хлысту любви я должен покориться...» 24

«Во сне я счастлив, радуюсь тоске...» 25

«Такой небесный дар – столь редкий случай...» 25

«Какое наважденье, чей увет...» 26

«О донны, почему, сходясь в часы бесед...» 27

«О, если бы я мог обрушить гнев...»	27
«Прекрасные черты, предел моих желаний...»	28
«Искрились ясных глаз живые свечи...»	28
«Она жила во мне, она была жива...»	29
«Что делать с мыслями? Бывало, всякий раз...»	30
«Я прежде склонен был во всем себя винить...»	30
«Где ясное лицо, чей взгляд мне был приказом?...»	31
Из испанской поэзии	32
ИЗ «РОМАНСЕРО»	32
Романсы о короле Родриго	32
Романсы о короле Доне Педро Жестоком	42
Из поэзии Далмации	58
ПЕТР ГЕКТОРОВИЧ	58
Рыбная ловля и рыбацкие присказки	58
НИКОЛА НАЛЕШКОВИЧ	60
«Как можешь примириться...»	60
НИКОЛА ДИМИТРОВИЧ	61
«Строка, ты крылата, лети же к Николе...»	61
ДИНКО РАНИНА	65
«Не вижу я счастья в именье богатом...»	65
ЮРИЙ БАРАКОВИЧ	66
Славянская муза	66
ДОМИНКО ЗЛАТАРИЧ	68
«Сегодня тает снег, проснулся мир растений...»	68
ПАСКОЕ ПРИМОВИЧ	68
«Фигли строила ты двум молодцам в сутанах...»	68
«Фра Мартин зазвонил в свои колокола...»	69
ХОРАЦИЕ МАЖИБРАДИЧ	69
С острова Млет	69
ИВАН ГУНДУЛИЧ	70
«В деревьях кудрявых ветры зашумели...»	70
Из французской поэзии	71
БОНАВАНТЮР ДЕПЕРЬЕ	71
Любовь	71
ПЬЕР ДЕ РОНСАР	72
Кот	72
Из сонетов к Елене	78
«Иные, сбросив плоть свою...»	78
ГИЙОМ ДЮ БАРТАС	80
Из поэмы «Неделя, или Сотворение мира»	80
ТЕОДОР АГРИППА Д'ОБИНЬЕ	82
«О, сжальтесь, небеса, избавьте от напасти...»	82
«Ронсар! Ты щедрым был, ты столько дал другим...»	83

«В неровных бороздах убогие ростки...»	83
«Рыдания горестные, вздох печали...»	84
«На строгий суд любви, когда меня не станет...»	84
«Ни молния, ни зной не тронут стебелька...»	85
«Осточертело мне транжирить мой досуг...»	86
Утренняя молитва	86
Из «Трагических поэм». Книга пятая. Мечи	88
ФРАНСУА ДЕ МАЛЕРЬ	136
Молитва за короля, отбывающего в Лимузен	136
Подражание псалму СХIV	140
МАТЮРЕН РЕНЬЕ	141
Ренье в защиту самого себя	141
ЖАН РАСИН	146
Жалобы христианина, страдающего от раздора с самим собой	146
ВИКТОР ГЮГО	147
Энтузиазм	147
Пленница	149
Лунный свет	151
Ожидание	152
«Чуть свет, едва лучи коснутся крыш селенья...»	153
АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ	154
Песнь Барберины	154
Последние стихи Альфреда де Мюссе	155
ЖЕРАР ДЕ НЕРВАЛЬ	155
Золотые стихи	155
ШАРЛЬ БОДЛЕР	156
Искушение	156
Слепые	157
Авель и Каин	158
ПОЛЬ ВЕРЛЕН	159
«Когда-то мудрецы, каких сегодня нет...»	159
Мой неизменный сон	160
Морской пейзаж	161
Закаты	161
Осенняя песнь	162
Сумерки	163
Соловей	163
Лунный свет	164
На траве	164
«Луны сквозь чащи...»	165
«Кабаккий пьяный гам, панельной грязи смрад...»	166
«Слёзы в сердце моём...»	166

Брюссель	167
Green	168
Spleen	169
Streets	169
1. «Станцуем джигу...»	169
2. «Вдоль улицы,— ах, что за диво!..»	170
«Рыщет рыцарь Несчастье на горе моё...»	171
«Я, как Сизиф, из кожи лез...»	172
«Скиталец, ты о чём? О странах? О перронах?..» ..	175
«Несчастный! Ты забыл крещения благодать...» ..	177
«Прекрасный, слабый пол! Мы столько испытали...»	179
«Веселье и печаль, куда вы забрели?..»	179
«Мерцали целый день виденья давних дней...» ..	180
«Смиренно жить в тиши, трудиться понемногу...» ..	180
«Блажен Луи Расин, не знал сомнений он!..»	181
«Нет! Вольнодумствами был этот век богат!..» ..	182
«Итак, друзья, с тех пор как в первый раз...»	182
«Прощает многое Господь...»	184
«Внемлите этой песне чистой...»	185
«Родные, маленькие руки...»	186
«И вновь моё дитя явилось. И мгновенно...»	187
«Голос гордости: рога протяжный раскат...»	188
«Враг прикинется смертной тоской...»	189
«Не мешкая, иди своим путём...»	189
«Ты в тоске? Ты несчастна?..»	190
«Городской рождённый гущей...»	192
«Дух древних, суетный и дикий...»	193
«О Боже, я пронзён твоей любовью...»	194
«Ты молчишь, ты мольбы ожидаешь от нас...» ..	196
«— Люби меня, Мой сын,— так говорил мне Бог...» ..	198
«Наказанный за страсть к вещам...»	203
«С постели убогой...»	205
«Надежда светится соломинкам под стать...»	210
Поёт Каспар Хаузер	211
«Тону я во сне...»	211
«Над кровлей синеву простёр...»	212
«Не пойму, почему...»	212
«Законы, запахи, цвета...»	213
«Рыдает рог за чащею лесной...»	214
«Сколько болей и несчастий в этом теле!..»	215
«Студёный ветер гнёт кусты...»	215
«Порывы добрые, так вот вы где, бедняги!..»	216

«Здесь ряды живых оград...»	217
«Род людской, несметный, многоликий...»	217
«Прекраснее море...»	218
«Вот «великий ваш град!»! Груды белых камней...» ..	219
«По кругу! Быстрее, деревянные кони!..»	219
«В любой любви есть капля яда...»	220
«Согласно мнению Терезии Святой...»	222
«Парижанин, собрат мой, на зрелища падкий...» ..	222
«Это праздник хлебов, праздник царственных нив!..»	224
Пьеро	225
Калейдоскоп	225
Сбор винограда	226
Последнее изысканное празднество	227
Самооправдание	227
АРТЮР РЕМБО	229
Потрясённые	229
Моё бродяжество	231
Вечность	231
«Дни в усадьбе! Дни весны!..»	232
СТЕФАН МАЛЛАРМЕ	233
Окна	233
Цветы	235
Летняя печаль	236
Лазурь	236
«Живой, нетронутый, прекрасный и поныне...» ..	238
ГИЙОМ АПОЛЛИНЕР	238
Рыжая красotka	238
ЛУИ АРАГОН	240
Ради завтрашнего дня	240
Сила	241
Гоби-28	242
Все слёзы похожи	244
Гавань	245
Плач о любви, прошедшей четырёхста лет назад ..	247
Плач по Виттории Колонна, маркизе де Пескара ..	249
Плач о великом раздоре во Франции	250
Песнь воссоздания	252
Ричард Львиное Сердце	253
Рождение караванов	254
Из швейцарской поэзии	258
ЖИЛЬБЕР ТРОЛЛЬЕ	258
Тополь	258

Тихая песня	259
Европа	259
Песнь ожидания	260
Песня среди вас	261
ФИЛИПП ЖАККОТЕ	262
«Ночная темнота – огромный спящий город...»	262
«Я странные слова сказать могу тебе лишь...»	262
«Я понял наконец, что всё утратил в жизни...»	263
«Поскольку я из тех, кому тоска дороже...»	264
Портовенере	264
Вечерние новости	265
Леса и воды	266
Предрассветная молитва	267
В сумерки	268
Тайна	269
Голос	269
Зима	270
Неведенье	270
Цыгане	271
Неожиданное	271
По следам Луны	272
Рана, заметная издалека	272
Постоялец	273
В конце да воссияет свет	273
Неравная борьба	274
Расстояния	275
Из немецкой поэзии	276
ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ	276
«Когда в бескрайности природы...»	276
ЛЮДВИГ ТИК	276
Уверенность	276
Песня о весне	278
«Зовы, полные отрады...»	280
КЛЕМЕНС БРЕНТАНО	282
«Молви из дали...»	282
Памятник Виолетты	283
Образ Аннонциаты	288
Образ Марии	288
ГЕНРИХ ГЕЙНЕ	289
«Ах, сколько они наболтали...»	289
«По роще брожу я, рыдая...»	290
«С тобою в ночном дилижансе...»	290
Мудрые звёзды	290

Ангелы	291
«Исходя печалью нежной...»	292
«Пробудись, мечта былая...»	293
Из польской поэзии	294
КАЗИМЕЖ БРОДЗИНСКИЙ	294
Краковяки	294
Кусту, цветущему на развалинах	295
АДАМ МИЦКЕВИЧ	296
Романтика	296
Пани Твардовская	299
Лилии	303
Крымские сонеты	315
Аккерманские степи	315
Штиль	315
Плаванье	316
Буря	317
Вид гор из степей Козлова	317
Бахчисарай	318
Бахчисарай ночью	319
Гробница Потоцкой	319
Могилы гарема	320
Байдары	320
Алушта днём	321
Алушта ночью	322
Чатырдаг	322
Пилигрим	323
Дорога над пропастью в Чуфут-Кале	324
Гора Кикинеиз	324
Развалины замка в Балаклаве	325
Аюдаг	326
Ястреб	326
ЮЛИУШ СЛОВАЦКИЙ	327
Гимн	327
Моё завещание	329
Теофило Янушевскому	330
Пирамиды	334
РЫШАРД БЕРВИНСКИЙ	338
Последний Ромео	338
ЦИПРИАН КАМИЛЬ НОРВИД	339
Буря	339
Псалом Кануна	340
ТЕОФИЛЬ ЛЕНАРТОВИЧ	342
Как у нас в Мазовии	342

Калина	345
ВЛАДИСЛАВ СЫРОКОМЛЯ	346
Мелодия из сумасшедшего дома	346
АДАМ АСНЫК	347
«Что, скажи, меж нами было?..»	347
«Что причитать! – напрасный труд...»	348
КАЗИМЕЖ ТЕТМАЙЕР	349
«Молви хоть слово... Мечтал я о встрече...»	349
Что значит юность без любви?	349
ЮЛИАН ТУВИМ	350
Ночь бедняка	350
О потолке	351
Здесь бесполезны строки любых постановлений...	351
ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ	352
Ветряные мельницы	352
Рисунок	353
Древо отчаяния	353
Цветенье вишни	355
Ради чего живём	355
ЯРОСЛАВ ИВАШКЕВИЧ	357
Recueillement	357
Оттепель	357
Телефон	358
Висла и Рейн	358
«И в двух шагах уже граница...»	360
Приветствие	360
Некрофилия	361
«Прижмись ко мне, гляди в бездонный мрак времён...»	364
КОНСТАНТЫ ИЛЬДЕФОНС ГАЛЧИНСКИЙ	365
Кафе-бар «Океан»	365
Смерть интеллигента	368
Лирический диалог	369
О воробушке	370
Воробьиная пасха	370
Бродячие музыканты	371
Соколиная охота	374
Серёжки Изольды	378
Заворёженные дрожки	386
ЮЛИАН ПШИБОСЬ	391
На вершине дороги	391
Тухольская элегия	392

Висла	393
Неизвестный цветок	396
Овидий	398
Видение Шартрского собора	399
Альциона	400
ТАДЕУШ РУЖЕВИЧ	401
Письмо людодам	401
Дополнение	402
Посторонний	403
КШИШТОФ КАМИЛЬ БАЧИНСКИЙ	405
Баллада о повешенных	405
Rorate coeli	406
«Золотой с прожилком белым...»	407
Мазовше	408
Весеннее дыхание	411
Из лесу	412
Из английской поэзии	414
ФИЛИПП СИДНИ	414
«Пускай поклонник девяти сестёр...»	414
«В беседах с Музами влюблённые твердят...»	415
«О ты, лелеющий любой ручей...»	415
«Заметив мой угрюмо сжатый рот...»	416
«Глушцов богатых многих я знавал...»	416
«О вы, поклонники молвы лукавой...»	417
«Грозят ли полумесяца рога...»	417
«Ну как словами выразить предмет...»	418
«Зачем ты, Стелла, и на этот раз...»	419
«Я верил: мне поможет Купидон...»	419
«Моей душе дано в словах раскрыться...»	420
«Так часто Стелле грусть моя видна...»	420
«Я часто клял тебя, юнца слепого...»	421
«Я на турнирах подвизался смело...»	421
«Я не кричу о страсти всем вокруг...»	422
«О Музы, к вам зывал я столько раз...»	423
«Темпейских роц не снилась мне прохлада...»	423
«Из всех владык, по мнению моему...»	424
«Не жду, о Стелла, славы и побед...»	424
«Вы, сударь, цените свои слова...»	425
ТОМАС МУР	426
Из «Ирландских мелодий»	426
Рождение арфы	426
«Прощайте! Но если случится порой...»	426
«До краёв нальём!...»	427

«На заре нашей жизни...»	.429
«Жизнь бранят...»	.430
Из греческой поэзии	.432
ДИОНИСИОС СОЛОМОС	.432
Из поэмы «Ламброс»	
Две песни Марии	.432
Брат и сестра	.432
Кладбище, или Безумная мать	.439
КОСТИС ПАЛАМАС	.446
Из поэмы «Двенадцать песен цыгана»	.446
Песнь третья. Любовь	.446
КОСТАС ВАРНАЛИС	.451
Паломник	.451
АНГЕЛОС СИКЕЛЬЯНОС	.467
Первый дождь	.467
ЯНИС РИЦОС	.469
Моему отцу	.469
Уровни продолжительности	.471
Посредине	.471
Географические координаты	.472
Восковая ладонь	.472
Корни	.473
Поэма «Чудовищный шедевр»	.474
ГЕОРГИС КАФТАНТЗИС	.521
Едва рухнули стены	.521
Песня узника в весеннюю ночь	.522
Я приду	.522
Маленькая элегия	.523
Комментарии	.524